

Афганистан - во снах и в сердце...

15 февраля исполняется 30 лет со дня вывода советских войск из Афганистана. Дата для многих не просто важная, а особо значимая, с примесью и радости - от возвращения на Родину отважных бойцов, и горечи - от гибели тысяч молодых ребят. В нашем городе тоже есть свои герои - те, кто на деле знает, что такое афганская война. Один из них - Александр Артамонов, гвардии майор запаса, кавалер ордена «За службу Родине в ВС СССР» III степени.

Александр Николаевич служил в Афганистане с 1984 по 1986 год. Перед командировкой в ДРА ему исполнилось всего 26 лет. За спиной - военное училище и служба в войсковой разведке в Забайкалье. Дома остались жена Людмила и сын Дима 2,5 лет. Они ждали любимого супруга и папу, а значит, нужно было постараться вернуться к родным живым и невредимым. Будучи на чужой земле, Александр Артамонов присыпал жене трогательные письма, а еще - вел дневники, выдержки из которых мы и представляем нашим читателям (эпиграф: «Попал служить в Афганистан - гордись, не попал - радуйся»).

«21 марта 1984 года в Ташкенте в штабе Краснознаменного Туркестанского военного округа мне, наконец, оформили все документы для отправки в Афганистан. До этого я три дня провел в отделе кадров округа, там решали, в какую часть и на какую должность меня назначить. С 1980 по 1984 год я служил в войсковой разведке и должен был идти по прямой замене. Поэтому немного волновался, ожидая своего назначения, ведь служба в разведке не из легких, а в Афганистане еще и крайне опасная. Но благодаря несогласованной работе кадровиков, а

может быть, удачному стечению обстоятельств и сохранению меня для чего-то более важного в этой жизни, я был назначен не в разведывательное подразделение, а в 1357 отдельный батальон охраны 40А... Первую ночь ночевал в гостинице рядом со штабом округа. В ней жили, в основном, командировочные военнослужащие, которые уже некоторое время отслужили в Афганистане. Разговоры у них были какие-то особенные - фронтовые. Уже тогда начинало складываться афганское боевое братство. Особенно запомнились два прапорщика богатырского телосложения в спецназовской форме. У одного на груди был один орден Красной Звезды, у другого - два... Утром 21 марта в штабе округа получил загранпаспорт с визой, все документы и предписание убыть на пересыльный пункт для отправки в ДРА. Пересылка находилась на окраине Ташкента, вблизи военного аэродрома. В казарме, переоборудованной под общежитие, был настоящий «дурдом». В комнатах по десять кроватей, под ними чемоданы с вещами, на тумбочках спиртное и сигареты. Все в пьяном угare...

Окончание на стр. 12

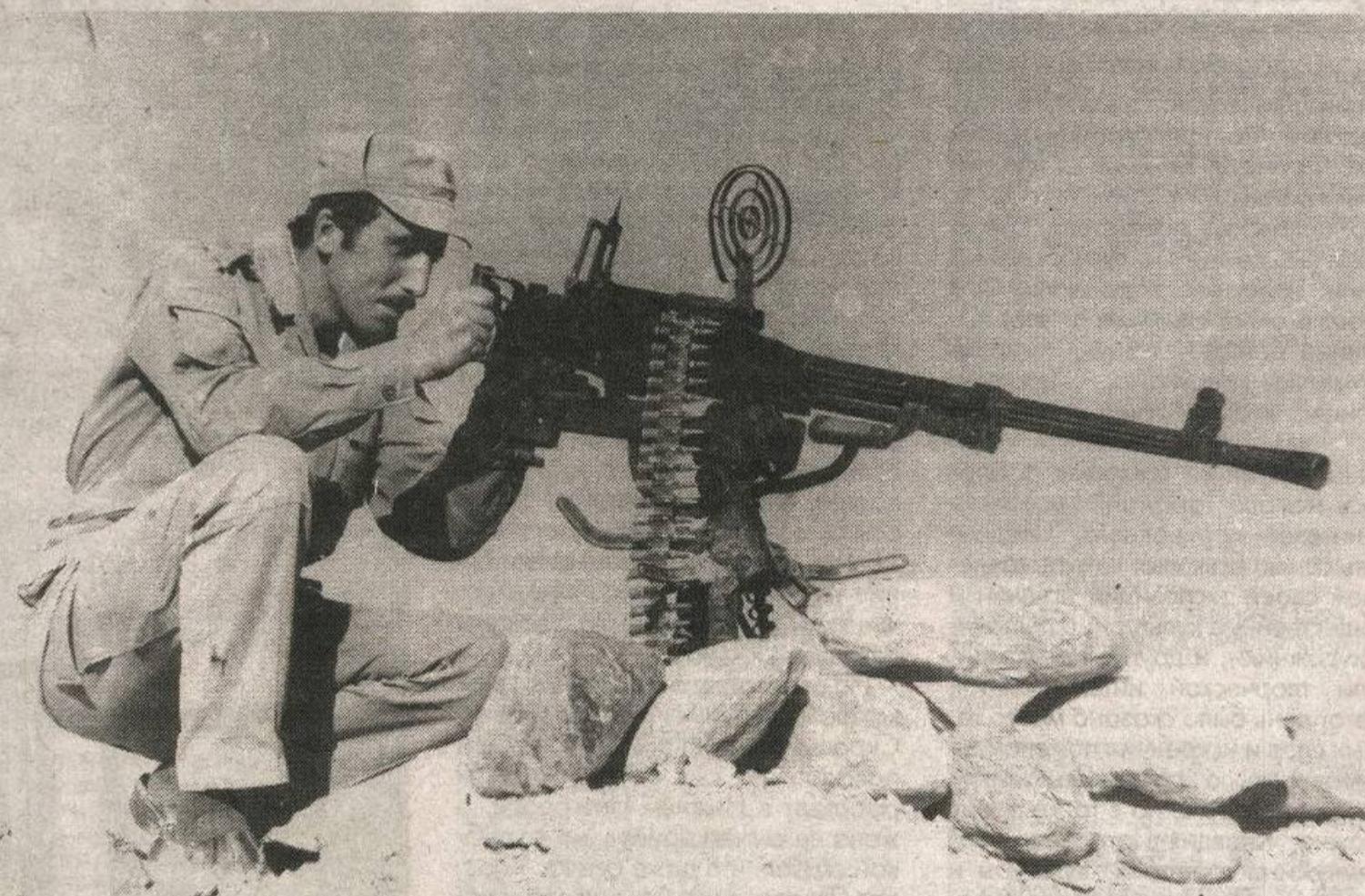
ВОСПОМИНАНИЯ

АФГАНИСТАН - ВО СНАХ И В СЕРДЦЕ...

Окончание.
Начало на стр. 3

В 5 часов 22 марта нас подняли и повели на военный аэродром. Как ни странно, но все вставали как «огурчики», никакой расхлябанности, словно и не было этой хмельной ночи. Таможенники, видимо, знали, что самолет будет не раньше 10 часов, поэтому проверяли нас очень долго и тщательно. Вплоть до того, что портили личные вещи, искали потайные места. Словно мы везем контрабанду, а не летим на войну... Рейс Ташкент - Кабул. Взлетали плавно... По радио дали команду надеть кислородные маски... Я периодически дышал чистым кислородом и с интересом смотрел в иллюминатор. Афганистан в переводе с персидского - это молчание, или безмолвие. За бортом была видна афганская земля. Вернее, не земля, а все больше горы, пустыни и долины... Посадка в Кабуле была стремительной. Из горизонтального полета самолет быстро пошел вниз по спирали, причем из-под крыльев производились отстрелы тепловых ракет... При каждом таком отстреле самолет немножко дергался назад. Казалось, вот-вот наступит невесомость. Бывалые афганцы с невозмутимыми лицами подшучивали над нами: «Все, сбили, прощайтесь, ребята». Женщины - рабочие и служащие, летевшие, как и мы, первый раз, сразу запаниковали, вспомнили маму, прокляли тот день, когда решили лететь в Афганистан и, побледнев, стали прощаться друг с другом. Афганцы смеялись от души. Наконец, небольшая перегрузка, коснувшись бетонки. В нижней части хвоста самолета опустилась транспортная платформа, внутрь проник яркий солнечный свет и очень теплый воздух - было около +30... Начинался новый день 22 марта 1984 года - и новый период моей службы, тогда еще гвардии старшего лейтенанта. По-афгански ст. лейтенант звучит так: «Ломрай бриджман». Этот день был одновременно и первым днем нового для афганцев года - 1363-го. В Афганистане 14 век... Летевших в самолете командировочных и отпускников сразу встретили со служивцы. И те, и другие были в светлых, выгоревших «х/б» и панамах. Все с оружием, загоревшие, радостные - одни от того, что увидели людей с родной земли, другие - что встретили ставших почти родными однополчан. А нас, «зеленых», бледнолицых после холодной русской зимы, посадили в машины и повезли на Кабульскую пересыпку... Нас собирали в летнем клубе. Пришел высокий, спортивного телосложения прaporщик с орденом Красного Знамени на груди... Он провел инструктаж. Но не по бумажке - жесткий и серьеzyй, а от сердца, с явной заботой о нас, о том, чтобы мы вернулись домой. Разместили нас в палатах. Брезент их был весь в маленьких дырочках, как мы потом поняли - от пуль...

На Кабульской пересыпке я впервые услышал магнитофонные записи песен, рожденных в Афганистане. Я еще не знал авторов и исполнителей этих песен. А это были обычные солдаты и офицеры ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Их песни знают наизусть и любят все без исключения афганцы...

Александр Артамонов. Баграм, сентябрь 1985 года

Вечером 23 марта я получил предписание и утром 24-го убыл в войсковую часть п/п 12876 - 1357 - отдельный батальон охраны армейского подчинения, который дислоцировался в Кабуле в старинной крепости под названием Бала-Хисар на должность начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения... 24 марта прибыл в 1357 ОБО. Представился командиру части - подполковнику В. Кирюхину. У начальника финансовой службы части оформлен завещание на мою будущую зарплату. Указал все возможные адреса на так называемый всякий случай...

В крепости Бала-Хисар было относительно спокойно. Там дислоцировались управление батальона, управления 2-й и 3-й мотострелковых рот и по одному взводу этих рот, несущих службу по боевому охранению важных государственных объектов Кабула... По периметру крепости - высокие каменные древние стены с бойницами, правда, кое-где разрушенные временем и войнами. Везде у стен, особенно в проходах, - сигнальные мины. На растяжки от них ночами периодически натыкались душманы и сразу получали достойный отпор... Крепость насыпная, строилась ярусами с подземными ходами и различными помещениями. Здесь размещались наши склады боеприпасов, продовольствия и матобеспечения. В крепости в свое время стояли афганские гвардейцы, английские завоеватели, говорят, одно время даже жил посол Англии, а вот теперь - мы... В камнях водились змеи, в том числе ядовитые, такие как горза, и всякие другие твари, вроде скорпионов. В общем, ухо надо было держать востро. Были не редки и землетрясения, но мы их не боялись, так как все, что могло упасть с высоких стен за века, уже давно упало... Наш батальон охранял жизненно важные объекты, такие как Кабульский университет, Кабульский политехнический институт, Кабульский автомеханический техникум и другие. 1-я мотострелковая рота нашего батальона располагалась отдельно от части, в юго-западной части города в так называемом высотном ресто-

ране «Амина», построенным ФРГ в виде серебристой летающей тарелки, приземлившейся на плоской вершине горы. До 1978 года в ресторане отдыхала правящая верхушка Афганистана. Теперь фасад был весь изрешечен пулями... Несмотря на мирные названия - ресторан, бассейн, эту роту душманы тревожили довольно часто, так как за ней был закреплен большой сектор охраны и обороны штаба 40-й армии...

Среди солдат в Афганистане так называемой дедовщины не было... Мало того, увольняемые солдаты сами рвались на боевые действия, в рейды, засады, оставляя вновь прибывших бойцов в части. Были даже обиды и конфликты из-за того, что иногда старосты из-за командиры оставляли в роте... Кроме боевой работы, моей задачей в части было обеспечить личный состав вооружением, боеприпасами и приборами согласно штата военного времени, а иногда сверх него... А кроме этого, были дежурства по части и обычная служба по охране и обороне объектов от нападений мятежников. Лично я с отделением солдат еженедельно по ночам, согласно графика, на БТР-70 или БРДМ-2 обезжал все наши посты в городе... В отражении нападений на крепость я участвовал постоянно, будучи дежурным по части неоднократно руководил силами дежурной смены и караула до прибытия основных сил с командирами подразделений. Особенно часты были нападения на телевышку - рупор радио и телевещания на весь Афганистан... В конце декабря 1984 года нападения на караул, охранявший телевышку, участились. Я, согласно приказа командира батальона, был отправлен из крепости на усиление и помочь начальнику караула 2 МСР, старшему лейтенанту Юрию Шитову. Несколько ночей караул успешно отражал нападения, причем самые неприметные солдаты проявляли чудеса героизма и армейской смекалки... Душманы стреляли из-за огромного каменного валуна, находящегося внизу. Рядовой Щербаков спросил у меня разрешения спуститься вниз к этому валуну и уже оттуда, под нашим прикры-

тием, достать душманов. Я категорически запретил ему это делать, так как там мины. Мы забросали душманов гранатами, те отступили назад, унося раненых и убитых. Это было 29.12.1984 г. 30 декабря меня вызвали в крепость. Вечером на телевышку опять было нападение. Щербаков все же спустился к этому валуну, стреляя уже из-за камня, уничтожил несколько душманов и, начав преследовать остальных, был тяжело ранен в грудь. В падении коленом коснулся земли и подорвался на мине. Взрывной волной его отбросило вниз, за тот самый валун. Армейские саперы уже утром вытащили его изуродованное тело длинным составным багром. Его 5,45 мм АК-74 был изогнут в дугу, приклад и магазин оторваны взрывом. Рядовой Щербаков был из Тульской области. Я как сейчас помню его - балагура, его стриженную под «ноль» голову. Если бы командир тогда меня не вызвал в часть, то, может, Щербаков был бы жив...

Чтобы хоть чуть-чуть отвлечь нас от войны, в Афган приезжали артисты. Только при мне там были тогда еще начинающая выступать Азиза в составе трио «Садо», Иосиф Кобзон, Валерий Леонтьев, танцевальные коллективы...

Хочу сказать про афганские семьи. Как известно, у них там гаремы. Чем богаче муж, тем больше жен. Женщины в парандже, причем цвет паранджи говорит о возрасте. У молодых розовые, у тех, кто постарше, красные - от светлых тонов до темных, потом голубые... наконец, белые - у старых. Неоднократно приходилось наблюдать за передвижением такого семейства. Впереди идет женщина в белом, затем в черном, синем и т.д. до розового, затем идут верблюды, а самый последний - глава семьи, муж. И дело здесь не в возрастной иерархии. Главная причина - мины. Ведь гарем не может остаться без главы семьи...

Служба в батальоне охраны, ездили на бронетехнике по афганским израненным дорогам, сопровождал небольшие колонны. Иногда попадали на дорогах в душманские засады. Особенность на дороге Кабул - Баграм, в районе Аминовки. Боя на дорогах были коротечные... Сильно

помогала слаженность действий, полное взаимопонимание с пословца, полувзгляда, полужеста. Приезжали в часть, осматривали свежие вмятины на броне, сколы и дырки в оборудовании... Смеялся, что опять обманули смерть, и замечаем друг у друга седые волосы...

Один раз, 11 марта 1985 года, я с командиром ремонтного взвода В.Д. Карнауховым и экипажем не вняли требованиям охраны и решили под вечер проскочить опасный участок дороги на пути в Кабул. Ехали очень быстро. Я с бойцом наверху, остальные внутри машины. Вдруг на пути глубокая воронка от взрыва. Кричу водителю: «Тормози!». В это время справа из разбитых дувалов выстрелил из гранатомета. Граната пролетает прямо у нас перед глазами, чуть не обжигает лицо и тут же взрывается слева от дороги... Разворачиваем башню и принимаем бой. Спасло меня чудо и та самая воронка на асфальте. С тех пор 11 марта отмечаю свой второй день рождения...

В общем, служба моя целый год шла нормально и даже хорошо... В марте 1985 года был назначен на капитанскую должность - помощником начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения в 108-й дважды красно- знаменной Невельской МСД, штаб которой дислоцировался в Баграме. Я «перепрыгнул» ступень полкового звена и сразу попал в дивизию... Здесь сменил балагура и весельчака богатырского телосложения ст. лейтенанта Александра Несмиянова по прозвищу «грустный»... Представился командиру дивизии генерал-майору В.И. Исаеву, получил инструктаж. Он приказал мне снять с груди знак «гвардия» и белый ромб о боевом разоружении. Сказал: «Здесь вам не Кабул». Чтобы знаки не сверкали на солнце и не выдавали офицера.

В составе 108 МСД был и 682 танковый полк, ранее дислоцировавшийся в Дзержинске. Здесь он был как в/ч 55777. В 1980-1981 годах в этом полку служили все наши земляки-дзержинцы... В 1984 - 1986 годах были самые крупные боевые столкновения с душманами...

В Баграме я ежедневно и еженощно руководил приемом из армейских складов, дислоцировавшихся в Пули-Хумри, отправкой боеприпасов на операции в войска. Периодически как старший или когда не было штатного командира роты я сопровождал колонны ОБМО с боеприпасами на боевые позиции...

В прямые столкновения с душманами зимой 1985-1986 года мне вступать доводилось редко... Для меня война закончилась 15 февраля 1986 года, когда я, как это ни печально, но на «черном тюльпане» с грузом 200 улетел по замене домой в СССР».

Свои воспоминания о службе Александр Николаевич отражает и в поэтическом творчестве. Строки из одного его стихотворения: «...Уж сколько лет прошло с тех пор, как сдали автоматы. Но до сих пор в афганских снах воюют там ребята. Не все домой вернулись, нам жизнь вдвое ценней. Так будем же достойны погибших там парней».

**Беседовала
Ксения Жульнова**